

Т. В. Михайлова, А. В. Михайлов
Красноярск, Россия

T. V. Mikhaylova, A. V. Mikhaylov
Krasnoyarsk, Russia

**ВЕРА И ПРАВДА В ТЕКСТАХ
ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА КАК ЧАСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА,
или Чему турецкий султан
может научить русского царя**

**THE "FAITH" AND "THE TRUTH" IN THE TEXTS
BY IVAN PERESVETOV AS A PART
OF THE POLITICAL TERMINOLOGY
OF THE KINGDOM OF MOSCOW,
or What the Turkish Sultan
can Teach the Tsar of Moscow**

Аннотация. Описывается семантика лексем «вера» и «правда» в текстах Ивана Пересветова XVI века. Изучаются обращения писателя к Ивану Грозному, в которых сравниваются турецкие обычаи с деятельностью российской бюрократии.

Abstract. This paper analyzes the semantics of the words "Faith" and "the Truth" in the texts by Ivan Peresvetov of the 16th century. Addresses to the Tsar Ivan the Terrible are studied, in which Turkish Ottoman customs are compared with the activities of the Russian bureaucracy.

Ключевые слова: политическая публицистика XVII в.; термины «вера» и «правда»; сопоставление систем правления России и Османской империи.

Key words: political publicist texts of the XVII th century; the terms "faith" and "the truth"; comparison of the systems of government in Russia and the Ottoman empire.

Сведения об авторе: Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, гуманитарный факультет.

About the author: Tatiana Vitallyevna Mikhaylova, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Public Relations, Faculty of the Humanities.

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Place of employment: Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

Контактная информация: 660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.
e-mail: ta.rada@mail.ru.

Сведения об авторе: Михайлов Алексей Валериевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, гуманитарный факультет.

About the author: Aleksey Valerianovich Mikhaylov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Chair of Public Relations.

Место работы: Сибирский государственный аэрокосмический университет им. акад. М. Ф. Решетнева (Красноярск).

Place of employment: the Siberian State Aerospace University in Krasnoyarsk.

Контактная информация: 660014, г. Красноярск, просп. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31.
e-mail: avm_2006_64@mail.ru.

Турецкая тема в русских публицистических текстах XV—XVII вв. появляется далеко не случайно. Падение Константинополя, главного города православного мира, ужаснуло древнерусских книжников и вызвало к жизни ряд идеологических и политических теорий.

Публицистика И. С. Пересветова отразила общественные настроения, явившиеся реакцией на Флорентийскую унию 1439 г. и падение Константинополя в 1453 г. Историк А. В. Каравашкин считает: «Мощным духовным ответом на эти события стали эсхатологические теории Московского царства. Они носили ярко выраженный религиозный характер и, взаимодействуя с официальными государственно-правовыми учениями, образовывали сложную идеологическую концепцию, особый историософский миф Руси XV—XVI вв.» [Каравашкин 2000: 284].

При этом некоторые современные исследователи отмечают, что для московских книжников характерна не столько единая, логически выверенная концепция, сколько «неопределенная», «отрывочная», «смутная»: «Монографии советских ученых по истории публицистическо-

го периода древнемосковской государственности только потому достигли относительного успеха — описания развития идей как единого процесса — что основывались на марксистско-люблинском методологии» [Плюханова 1995: 10]. При этом часто «слабые, неукоренившиеся идеи и понятия ... рассматриваются как сильные, стабильные, фундаментальные» [Плюханова 1995: 10]. Тексты И. С. Пересветова, как наиболее «ясные, рациональные и логичные», были довольно удобны для исследователей этого направления, однако они, по мнению М. Б. Плюхановой, не имеют «органических связей с другими текстами московского периода» и являются случайными и «внешними по отношению к древнерусской московской культуре» [Плюханова 1995: 9].

Соглашаясь в определенных позициях с автором известной работы «Сюжеты и символы Московского царства», хотим обратить внимание на то, что многие ключевые слова публицистических текстов И. С. Пересветова обладают мнимой логичностью и понятностью. Современный читатель «навязывает» свой ментали-

тет текстам XVI в. Политические символы, используемые древнерусским публицистом, не тождественны по значению современной политической терминологии. В работах В. В. Колесова, посвященных древнерусской ментальности, говорится о необходимости перевести «подобные исследования» с «обобщенно-типологических на конкретно-исторические» [Колесов 2000: 5]. В. В. Колесов показывает сложность разрешения противоречия между «синкретичным по существу мировосприятием древнерусского человека» и «дискурсивным современным мышлением» [Колесов 1986: 7]. Исследователь пишет, что «лингвист, оперируя словами при помощи слов же и реконструируя лежащие в их основе понятия и представления (образы)» [Колесов 1986: 8], не может не столкнуться с проблемой истолкования значений древнерусских слов, не испытывая влияния значений этих же слов, но уже современного русского языка. Важно помнить следующее: «Средневековое сознание оперирует не столько понятием о предмете, сколько представлением о нем. ...Творческий акт средневекового писателя и состоял в разработке подобных ситуативных смыслов, так что подчас неуловимыми остаются оттенки значения» [Колесов 1986: 14].

На осторожность истолкования средневековых понятий обращает внимание и в известной работе «Категории русской средневековой культуры». Одной из главных особенностей древнерусского языка, по мнению А. Л. Юрганова, является его «нетерминологичность», и «поэтому большинство средневековых слов-понятий невозможно сходу истолковать» [Юрганов 1998: 25]. Анализ значений ключевых слов представляет собой «орудие самосознания». «Категориальное описание средневековой культуры» опирается на анализ семантики ключевых слов, которые определяют ее как «сущностный феномен ушедшего в небытие сознания» [Юрганов 1998: 26].

А. И. Филюшкин в ряде своих работ также обращает внимание на то, что современная политическая наука «навязывает» свой терминологический аппарат древнерусским текстам: «...Политическая культура средневековой Руси основывалась не на правовых, а на христианских этических категориях. Отсюда все попытки трактовать применительно к русскому средневековью ту сферу, которую мы привыкли в современной метасистеме именовать *политикой*, в политико-правовых категориях, должны быть крайне осторожными. Мы не можем обойтись без трактовки, истолкования данных терминов, поскольку их семантика гораздо более многозначна, чем в наше время. Но перед нами не просто лингвистическая замена одних вербальных обозначений правовых понятий на другие, а иная система отношений, которую современному человеку улавливать сложно» [Филюшкин 2006: 223].

Тексты Ивана Семёновича Пересветова являются, на наш взгляд, релевантными для русской средневековой культуры, ибо в них присутствуют далеко не случайные смыслы. Два слова — **Вера** и **Правда** — являются ключевыми в Малой и Большой челобитных, переданных «государю благоверному царю» Ивану Васильевичу через 11 лет после приезда писателя в Московское государство. В челобитных автор на примере турецкого властителя обсуждает уроки, которые должен извлечь из падения Византии русский царь, и предлагает проекты различных государственных преобразований. Как справедливо считает А. Л. Юрганов, «смысловое содержание *правды и веры*», столь волновавшее средневековых людей, «не только отличается от современного, но и — парадоксальным образом — семантикой противопоставлено ему. А между тем *правда* и *вера* в своих символических самоосновах хранят тайну средневекового миропонимания» [Юрганов 1998: 26].

Для выявления авторского понимания названных слов надо вспомнить, что Иван Пересветов обсуждает вопросы «веры и правды» в контексте споров об отношениях между государственной и церковной властями. Публицистический сборник Ивана Пересветова включает в себя известную повесть XV в. Нестора Искандера, рассказывающую «о взятии Царьграда турками». Этот текст, наряду с циклами легендарных сказаний о Вавилоне, был очень популярен в XV—XVII вв. на Руси, так как полностью отвечал политическим запросам своего времени. Для общественного сознания Московской Руси примером и образцом православного царства была Византийская империя. Русская литература того времени призвана была прояснить, утвердить мысль о тесной связи Московской Руси с древними византийскими традициями. Именно этим объясняется, что указанные тексты читались на Руси в течение нескольких сотен лет. В них рассказывается об иноземных государствах. Однако обсуждавшаяся в них проблематика власти и государства самым прямым образом связывалась в русском общественном сознании с Москвой, поскольку существовавшее со времен Киевской Руси представление о «богоизбранности» Руси наполнялось новыми смыслами. Переход Константинополя под власть турок (1453 г.) усиливает идею обособления Русской земли, ее богоизбранности, так как истинное православие, по мнению богословов того времени, осталось только на Руси [см. об этом: Кудрявцев 1951: 169]. Таким образом, в XV—XVI вв. представления о предназначении Руси стали иными по сравнению с Киевским периодом русской государственности. По мнению другого исследователя, «речь шла теперь уже не о приравнивании России к другим христианским странам, а о противопоставлении Руси павшей греческой державе, равно как и противопоставлении мос-

ковской митрополии константинопольской патриархии, утратившей, по мнению большинства русского духовенства, свои иерархические права» [Гольдберг 1976: 114].

Повесть представляет собой воплощение христианских историософских представлений о том, как был создан град Божий, почему он стал главным городом всего православного мира и каковы причины того, что «всещедрый и всеблагий Бог» попустил его на попрание безбожной оттоманской веры. Эта повесть была важна для построения московской идеологии, поскольку представляла модель-образец православных взглядов на то, каким должно быть государство, дабы устойчиво развиваться и не испытать судьбу павшего Константинополя.

Казалось бы, понятия об идеологии христианского государства и его правителях у русских уже были сформированы в домосковский период. Однако трагическая история Константинополя, рассказанная в повести Нестора-Искандера, делает вопросы, связанные с нравственностью государства в целом и его правителей и граждан в частности, исключительно актуальными в указанный период. Этот текст дал толчок к последующей эволюции оценочных представлений древнерусского общества о государстве и власти, и на первый план вышли понятия, связанные с фигурой государя, который должен править согласно этим принципам и утвердить их в государственной практике.

И. С. Пересветов в своих публицистических текстах обсуждает те же самые темы и на примере той же самой ситуации — падения города Константина. Можно сказать, что писатель предлагает проект праведного государства. В идеальном царстве **правда** и **вера** сопряжены в одно понятие.

Правду И. С. Пересветов понимает в первую очередь как справедливое правление (ср. однокоренные слова *правый, прямой, управление, править, справедливость*). Управление царством, по представлениям книжника, включает в себя управление судебной и финансовой системами, торговлей. Понятие «праведный суд» в текстах Пересветова появляется, как правило, сразу после введения темы **правды**: *...Да приказал судьям: „не дружитися с неправдою, держитися правды, что Бог любит“* (СМС); *...не прельщались неправдою судити* (СМС); *...Бог помогает не ленивым, но кто труды принимает и Бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведный суд судит* (БЧ).

По сути, в данных публицистических текстах описаны три модели управления в царстве: греческая, турецкая и русская. Каждая из них занимает определенное место на линии времени: греческое царство принадлежит прошлому, турецкое — настоящему, а существование истинного русского царства предсказано в будущем.

Продолжая линию Нестора-Искандера, И. С. Пересветов сопоставляет два царства.

Одно царство побежденное — греческое, православное. Другое — царство победителей, турецкое, мусульманское. Как видим, древнерусский книжник обращается к анализу падения Константинополя с тем, чтобы выяснить причины этого печального для любого православного человека события.

Константин был кротким со своими вельможами, не гневался на них, давал им *города и волости держати*. А те *...за веру христианскую не стоять, а государю верно не служат* (БЧ). Вельможи *...от слез и от крови рода христианского богатеют*, бесчестными поборами обируют подданных царя, творят всяческие несправедливости. Автор считает, что они *...в великую ересь впадают, и на Бога хулу кладут..., темь Бога всемь гневят* (БЧ). Отсутствие «грозы» в управлении земного правителя неизменно ведет к гневу и «грозе» со стороны небесного правителя, как это и произошло в 1453 г. в Константинополе.

Турецкий царь султан Магомет **неверный царь**, да Богу угодно учинил: по всему царству разослал верных себе судей, от принципа кормления на местах отказался, обеспечив чиновников казенным жалованьем. Суд он устроил гласный: *...А судья дал полатный во всем царство свое судити без противня* (БЧ). По мнению Пересветова, Магомет сделал так, чтобы не вводить вельмож в грех и Бога не прогневать. А сам Магомет, по одобрительной характеристике публициста, гроза для неверных и нечестных слуг. Вот такая «грозная мудрость» делает царство долгим и благополучным. Турецкое царство стоит на этом принципе: *...По уставу Махметеву с великой грозной мудростью а нынешнии цари живут* (БЧ). Значит, истинно православный царь должен быть не кротким, а грозным и воинственным по отношению к явным и скрытым врагам государства.

Обсуждая причины падения царств, Иван Пересветов опирается на теорию «казней Божьих». Он описывает стиль государственного управления каждого царства, анализируя нравственную составляющую этого явления.

ГРЕЧЕСКОЕ ЦАРСТВО В ИЗЛОЖЕНИИ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА. В царстве есть истинная православная вера, но нет правды, т. е. нет справедливого управления. Это царство всё в прошлом. В тексте имплицитно присутствует представление о греческом царстве при Константине Великом, когда и вера и правда были совместны, и поэтому греческая земля процветала: *Такова была вера греческая сильна и мы ся ею хвалилися* (БЧ). Но красота и слава греческого царства разрушены, о них лишь можно вспоминать. «Волоский» (молдавский) воевода, поражаясь гибели Константинополя, говорит: *...Так был Магмет-царь, салтан турецкой, Царю граду дань давал..., и потом грех ради наших Магмет-салтан, турецкой царь, разбойнический род, асилел, Царьград взял и благоверного царя Константина потребил, и красоту*

церковную обезчестил, и звон церковный поотнимал, и образы чудотворные из церквей нечестно выносил, и в церквах мизгити поделал на свои скверныя молитвы (БЧ).

Причины падения этого царства Пересветов видит в отсутствии правды в государственном управлении, что приводит к отходу от истинной веры: *...Константин-царь вельможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовались и неправду судили...; ...И с теми неправыми судьями во всем греки в ересь впали и ...во всем Бога прогневали* (СМС).

Отсутствие правды в государственном управлении привело к тому, что земля потеряла Божье благословение и стала добычей лукавого. Читатель легко может сделать вывод, что вера без правды становится неистинной: *...Суд был греческой неправеден, купля была нечиста... Нечисто собрание их было. А вельможи царския на градехъ и на волостях домышлялися лукавством своим, дьявольским прелщением...* (БЧ); *...Нечисто богатели дьявольским прелщением* (БЧ).

И. С. Пересветов говорит о правлении лукавого на греческой земле при полном бездействии православного царя: *...а царския грозы к ним не было*. Если земной правитель никак не реагирует на неправду, то тогда настает пора для небесного правителя: *...Всем Бога разгневили* (БЧ). Для древнерусского книжника взаимосвязанность всех событий ясна как непреложный закон.

ТУРЕЦКОЕ ЦАРСТВО В ИЗЛОЖЕНИИ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА. Вера, по представлению публициста, не истинная, но в царстве наведен порядок, судебная система справедливая, чиновники под контролем Махмет-салтана — в «турском» царстве есть правда. Оно процветает в настоящее время, так как правителем в недалеком прошлом был сделан ряд действий, поддерживающих «правду» в государстве.

И. Пересветов описывает деятельность Махмета в категориях запретов и императивов: *...а никому ни в котором граде наместничества не дал вельможам своим для того, чтобы не прельщались неправдою судити; ..Да приказал судьям: не дружитися с неправдою, держитися правды, что Бог любит; ..Да послал по городом судьи свои, паши верные и кадьи и шубаши... и велел судити прямо, и рек так: „братия моя любимая и верная, судити прямо“* (СМС).

Подробно описывается деятельность турецкого правителя по наведению порядка в судах, в казне, в системе управления: *...а никому ни в котором граде наместничества не дал вельможам своим для того, чтобы не прельщались неправдою судити* (СМС); *...А присуд велел имати на себя в казну, чтоб не искушались и в грехъ не впадали, Бога не разгневили* (БЧ); *..Да какова вельможу пожалует за ево верную службу... и он пошлет к судьямъ своим и велит по доходному списку выдати ис казны* (БЧ).

«Махметев устав» изображается автором как строгий, но справедливый закон. Писатель спокойно описывает суровое наказание за нарушение запретов, считая, что без грозы невозможно править по справедливости: *И кожи их велел проделати, и велел бумаги набити, и в судебных велел железным гвоздем прибити, и написати велел на кожах их: Без таковые грозы правды в царство не мочно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любим того не пощадити, нашедши виноватого* (СМС).

Словами Петра Иван Пересветов явно выражает свое одобрение: *Неверный царь, да Богу угодно учинил: великую мудрость и правду в царство свое ввел* (БЧ). Как видим, ценностная иерархия писателя прослеживается четко: хоть веры турецкий правитель и неправославной, но законы в государстве установлены справедливые; праведное управление и есть вера: *И Махмет правый суд в царство свое ввел, а ложь вывел, и рек так: „Бог любит правду лутчи всего“* (БЧ).

РУССКОЕ ЦАРСТВО ЕСТЬ ПРАВДА И ВЕРА. Прошлое и настоящее русского государства, к печали публициста, напоминает государство греков: без правды и вера становится мертвой и превращается в ересь. Сопоставления русского царства с падшим греческим весьма прозрачны. В первых же строках обеих челобитных И. С. Пересветов жалуется на действия чиновников при Иване Грозном: *А выезду, государь, моему 11 летъ, а яз тебя, государя благоверного, достигити не могу* (МЧ). Автор говорит о неконтролируемости царских вельмож, о судебной волоките: *И твое государь жалованье — поместье от великих людей от обиды нарядили пусто, а яз тебя, государя благоверного царя, достигити не могу, пожаловаться на них; Да и собинку еси...изтерял: в моих обидах и волокитах вся пропала; ...И ныне, государь, от обидъ и волокит наг и бос и пешь* (МЧ).

Ситуация в русском царстве описывается с помощью тех же выражений, какие были использованы при описании Константинополя накануне падения: *Вельможи русского царя сами богатеют, а ленивеют, а царство оскужают его* (БЧ).

Пересветов пересказывает разговор молдавского воеводы Петра с человеком из Московии: *И говорит Петръ...: „Такое сильное, и славное, и всем богатое то царьство Московское! Есть ли в том царьстве правда? Ино у него служит московитин Васка Мерцалов, и он того спрашивал... И он стал сказывать Петру...: ‘Вера христианская добра, всем сполна и красота церковная велика, а правды нету’* (БЧ). «Вера» понимается как нечто внешнее, то, что можно оценить с эстетической точки зрения (добра, красота велика), а «правда» — как внутренняя сторона того же понятия. В текстах И. С. Пересветова наблюдается характерное для древнерусского языка «удвоение

близкозначных слов», которое является признаком «процесса формирования понятия на системном уровне обобщения» [Колесов 2002: 221]. На процесс генерализации семантических признаков в системе слов вследствие использования словесных формул (*стыд-срам, радость-веселье, честь и слава, горе не беда*) обращали внимание А. А. Потебня, Ю. М. Лотман, Б. А. Ларин. Подобные формулы, по мнению В. В. Колесова, «обозначали новое по отношению к исходным словам понятие собирательного значения» [Колесов 2002: 222]. Собирательность на основе метонимического уподобления развивалась по различным семантическим моделям, в том числе и по модели соотношения внутреннего и внешнего. «Вера и правда» у И. С. Пересветова не столько противопоставлены друг другу, как считают многие исследователи (например, А. А. Зимин, А. В. Каравашкин), сколько синтезируют единое понятие, обозначающее православное справедливое государственное управление.

Таким образом, публицистика И. С. Пересветова органически связана с древнерусскими текстами, посвященными теме «падения царств». «Правда» в государстве, по мнению И. С. Пересветова, занимает самое важное место. Средневековый писатель чуть ли не противопоставляет **правду** и **веру**, показывая первенствующее место правды. А. В. Каравашкин считает, что «у Пересветова главный акцент сделан именно на драматическом расколе между верой и правдой, вступившими в полосу поистине тревожного противостояния» [Каравашкин 2000: 70].

Эта антиномичность мышления, однако, не помешала древнерусскому писателю создать проект государства, в котором возможна симфония истинной веры и правды. В утверждении ключевого понятия, гармонично соединяющего эти два смысла, автор и видит возможность для государства устоять. Выражение понятия

парой слов в древнерусском языке — это обычный способ экспликации синкреты.

ЛИТЕРАТУРА

Гольдберг А. Л. К предьстории идеи «Москва — третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции). — М. : Наука, 1976. С. 111—115.

Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика. — М. : Прометей, 2000.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1986.

Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб. : Юна, 2002.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000.

Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды отдела древнерус. литературы. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 158—186.

Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. — СПб. : Акрополь, 1995.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. — М. : МИРОС, 1998.

Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2006.

ИСТОЧНИКИ

МЧ = Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: Малая Челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV— первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева— М. : Худож. лит., 1984. С. 592—601.

БЧ = Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: Большая Челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV— первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева— М. : Худож. лит., 1984. С. 602—625.

СМС = Сказание о Магмете салтане Ивана Пересветова // Сочинения И. С. Пересветова / подгот. текст А. А. Зимин. — М. ; Л., 1956. С. 151—161.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов